

С.В. КУЗЬМИНОВ, к.э.н., доцент,
Днепропетровский университет экономики и права

ПРИМЕНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ФИЗИОЛОГИИ ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

Институционализм в начале третьего тысячелетия представляет собой, наверное, одним из наиболее качественно разнородных направлений экономической мысли. Разнообразие методологических подходов настолько велико, что разные школы в рамках современного институционализма даже с трудом классифицируются. Деление на теорию прав собственности и теорию трансакционных издержек лишь довольно условно разграничивает разные течения в институционализме. При этом окончательно не решенным остается, наверно, наиболее фундаментальный классификационный вопрос: “А что такое институт?” В этом вопросе на сегодня существует чрезвычайно большое многообразие мнений, которое в целом характерно для активно развивающихся наук. Это разнообразие мнений по поводу предмета исследования, с одной стороны, создает предпосылки для наиболее многомерного его исследования, но с другой – может уменьшать производительность научного поиска, поскольку из-за терминологической путаницы могут возникать абсолютно непроизводительные споры между исследователями относительно разного понимания одного и того же термина, который у каждого из тех, кто спорит, означает разные по сути явления.

Недостаточно четкая определенность предмета исследования также усложняет процесс формализации знаний, полученных в результате институциональных исследований, которые в свою очередь влекут за собой проблемы с использованием наработок институциональной науки в практике управления экономическими процессами. Фактически, институциональные теории являются либо слишком общими, чтобы применяться для решения практических вопросов (как у Д. Норта, [1]), или очень узконаправленными (как у О. Уильямсона, [2]). Категориальная несогласованность делает институционализм удобной мишенью для критики не только со стороны представителей более ортодоксальных школ экономической теории, но и со стороны психологов и социологов [3]. Именно поэтому, по нашему мнению, уже настало время для попыток изучения институтов как феноменов социальной и экономической жизни безотносительно к тому, какой именно институт исследуется. И начать нужно с разра-

ботки методологии размежевания институтов и не-институтов.

Таким образом, цель данной статьи – анализ структуры и сущности институтов, а также формулировка гипотезы о генетическом единстве всех экономических институтов.

Очевидно, что объектно-ориентированный подход, доминирующий в институциональных исследованиях и предполагающий исследование определённых институтов в конкретных социально-исторических условиях, малопригоден для исследования институтов “вообще”. Более интересным и продуктивным в этом плане нужно признать подход, примененный для исследования институтов В. Тарасевичем [4]. В отличие от подавляющего большинства авторов он исследует институты как закономерный результат эволюции человечества, причём экономическая жизнь (и, соответственно, экономические институты) он рассматривает не как самостоятельный и независимый пласт человеческих отношений, а как глубоко интегрированный элемент процесса жизнедеятельности (в том числе и общественной). По мнению В. Тарасевича, формирование институтов предшествовало возникновению протоинститутов, которые, в свою очередь, были результатом усложнения и интеграции более простых форм поведения – инстинктов. До более глубокого уровня анализа В. Тарасевич не доходит, хотя и указывает, что современная экономическая теория мало внимания уделяет достижениям других наук о человеке – биологии и психологии.

Добавим, что абсолютно без использования психологии было бы проблематично построить любую целостную экономическую теорию и, соответственно, психология всё-таки используется при построении микроэкономических, а иногда и макроэкономических моделей. Но основная проблема заключается в том, что использование это носит, скорее, характер произвольно избранных заимствований, а не систематической интегративно-синтетической научной деятельности.

Частично исправить эту ситуацию относительно эволюции институтов можно, опираясь на достижение науки, которая является ба-

© С.В. Кузьминов, 2009

зовой даже для психологии, – физиологии высшей нервной деятельности. Некоторые открытия этой науки, соотношенные с известными свойствами экономических институтов, позволяют проследить чрезвычайно интересные аналогии. Так, согласно теории И. Павлова, основу нервной деятельности составляет принцип активизации рефлекторной дуги, согласно которому даже наиболее сложные формы поведения происходят от рефлексов, а причина любой рефлекторной деятельности находится за пределами психики [5]. То есть основой нервной деятельности как животных, так и человека выступает соответствующая реакция живого существа на внешние раздражители. Конечно, в процессе онтогенеза эти простейшие реакции усложняются, комбинируются и видоизменяются, от простой реакции безусловного рефлекса осуществляется переход к более сложным формам поведения. Наивысшая форма реакции, возникшая в процессе эволюции центральной нервной системы, – межвременной перенос реакции и восприятие раздражителя как индифферентного. Эта способность “воспринимать, но не реагировать” трансформировалась в специфическую форму нервной деятельности – ориентировочный рефлекс. Без наличия такого рефлекса была бы невозможная не только ориентационно-поисковая деятельность (одной из высших форм которой является научный и творческий поиск), но и абстрактное мышление вообще. Именно благодаря способности воспринимать и не реагировать или откладывать реакцию на будущее, что внешне выглядит как редукция отдельных составных рефлекторной деятельности, человек может размышлять над вещами и явлениями, которые уже вышли из ее поля зрения или даже никогда в это поле не попадали, создавая виртуальную реальность.

Эти, на первый взгляд, отстраненные от экономики факты на самом деле многое проясняют относительно роли общественно-экономических институтов и позволяют навести хотя бы относительный порядок в трактовке этого понятия. Если применить аксиому об относительном однообразии строения мира к человеку и обществу, то придется согласиться с тем, что любые институты, которые эволюционно возникли из человеческого поведения, не могут иметь форм и инструментов, которые не были бы присущие психике творца – человека. Исходя из этой аксиомы, можно прийти к выводу, что любые особенности функционирования институтов имеют прямые аналогии с

принципами высшей нервной деятельности человека. И наоборот, любая нервная деятельность человека потенциально может институционализироваться.

Для того, чтобы объяснить, как выглядит применение известного в физиологии высшей нервной деятельности принципа рефлекса, основанного на активации рефлекторной дуги (афферентный нейрон – промежуточные нейроны – эфферентный нейрон) к анализу институтов, рассмотрим для примера институт собственности. Широко известно и вполне логично мнение, что институт собственности первоначально возник на основе присвоения силой. В конце концов, даже сейчас в случаях, когда более цивилизованные формы удержания объекта собственности не срабатывают, люди прибегают к тем или иным формам насилия, в том числе и с помощью правоохранительных органов. Итак, прообраз дуги выглядит так: ты берешь мое – я бью тебя по голове – ты понимаешь, что был неправ. Но это, конечно, еще доинституционная фаза. Первичная институционализация происходит тогда, когда бить по голове уже не нужно, человек сам понимает, что взяв чужое, столкнешься с отрицательными последствиями. Фактически, это условный рефлекс и, как любой условный рефлекс, он может угасать, если не подкрепляется. Т.е. если человек не видит (хотя бы мысленно), что за присвоение чужого наступает расплата, то табу “не укради” прекращает работать. Но если время от времени рефлекс подкреплять наглядными примерами, причем для большого сообщества, то первичная институционализация фиксируется в общественном сознании, признаком чего будет то, что каждый человек, прежде чем пользоваться каким-то предметом, проверяет, а не ущемляются ли при этом права владельца. Конечно, даже осознание факта, что, скажем, срывая яблоки с дерева, человек нарушает права владельца яблони, совсем необязательно заканчивается отказом от замысла полакомиться плодами. Но в таком случае этот человек чувствует себя нарушителем, вором и постарается сделать так, чтобы нарушение институциональных норм осталось незамеченным. Т.е. первичная институционализация приводит к тому, что каждый знает, “как делать правильно”. Таким образом, первичная форма рефлекторной дуги “берешь чужое – тебя бьют – ощущаешь негатив” редуцируется на феноменальном уровне до “берешь чужое – ощущаешь негатив”. Выпадение среднего звена дуги, по нашему мнению, является главным критерием институционали-

зации. Без такого выпадения (а на самом деле, замены внешнего раздражителя стойкими пре-раздражитель-ными внутренними стимулами) говорить о наличии института не корректно. Так, решая вопрос о корректности отнесения В. Д. Якубенко труда к институтам, нужно доказать, что в дуге “необработанное вещество природы – целенаправленные действия по ее обработке – получение экономического блага в виде продукта” может редуцироваться среднее звено. Если же таких редукций не наблюдается, то даже регулярная трудовая деятельность, формы которой не изменялись столетиями, институтом считаться не может.

Следующий шаг – вторичная институционализация, т.е. такое эволюционное изменение, когда человек рассчитывает на то, что не только он будет “действовать правильно”, но и окружающие тоже будут “действовать правильно”. На этой основе создается возможность возникновения других институтов, которые будут использовать наличие редуцированной дуги в рамках первичного института. Например, на основе института собственности возникает возможность появления института эквивалентного обмена, одной из форм которого есть, например, торговля. Так, торговец, выходя на рынок с предметами, которые ему принадлежат, рассчитывает найти контрагента, который тоже имеет что-то, что ему принадлежит. Больше того, он рассчитывает, что контрагент, так же как и он, в принципе не против отказаться от права на то, что ему принадлежит, в обмен на получение права на то, что ему пока не принадлежит.

Понять физиологическую основу вторичной институционализации позволяет открытие физиологами феномена угасания рефлексов более низкого уровня по мере развития рефлексов более высокого уровня, которое наблюдается в процессе онтогенеза. Происходит, так сказать, вытеснение простейших нервных реакций более сложными условными рефлексами, причем чем более развито существо, тем больше редуцируются простые первичные рефлексы и тем более завуалированный вид они имеют на фоне сложного поведения. Так, простейшие психофизиологические реакции, связанные с репродукцией вида, наблюдаемые у беспозвоночных, приобретают значительно более сложные формы даже у простейших хордовых животных, а на уровне человеческой психики порождают такое хитросплетение поведенческих реакций, которые не слишком любознательный наблюдатель даже не поду-

мает классифицировать как основанные на инстинкте размножения. В человеческом обществе на этой почве вырастает такое разветвлённое дерево институтов, происходящих друг от друга, что это дает неисчерпаемый источник сюжетов для создателей стихов, романов, кинофильмов и телесериалов.

Аналогичная ситуация наблюдается и в экономической сфере. Более простые формы взаимодействий включаются в более сложные формы в качестве составляющих. Например, примитивное принуждение к работе в форме дуги “имею потребность, чтобы ты что-то для меня сделал – ты это делаешь – получаешь вознаграждение” целостным комплексом входит в качестве среднего звена к дуге более высокого уровня, которая имеет вид “нужно выполнить элемент общего производственного процесса – есть должностное лицо с соответствующими должностными обязанностями – производственные функции выполняются”. При этом, как и в случае первичной институционализации, среднее звено редуцируется, что проявляется в игнорировании ее сложного (дугового) строения. Администратор требует от работника выполнения должностных обязанностей, не задумываясь о соответствии совокупности производственных задач уровню оплаты труда, а работник, в свою очередь, также абсолютно четкого соответствия не ожидает, хотя и протестует, если перекокс становится слишком большим не в его пользу. Это является признаком того, что проявленный мотив в форме соответствия вознаграждения количеству и качеству выполненных задач превращается во внутреннюю мотивацию в форме “должностное лицо должно выполнять свои должностные обязанности”.

Вторичный институт, включая у себя первичные институты в качестве средних звеньев, может, в свою очередь, быть средним звеном третичного института, тот – четвертичного и так далее. Но общие правила строения институтов (трёхэлементная дуга “потребность – функция – удовлетворение потребности” либо в более общем виде “раздражитель – модель ответа – ответ”, а также редукция среднего звена) остаются неизменными.

Исследование генетических связей между институтами было бы неполным, если не была бы сделанная попытка найти “самый первичный” институт, который служит первоосновой для средних звеньев всех других институтов. По нашему мнению, такой институциональной первоосновой служит институт права. Причем

не только права собственности, но и других прав. Имеется в виду не право чего-то, а право как феномен, безотносительно к конкретному объекту права, так сказать, чистое право. Лингвистический анализ дает нам ряд однокоренных и родственных слов, которые более рельефно отображают сущность этого “чистого права” как категории, – правило, правда, оправдание, справедливость, управление, правота. Право как категория в данном контексте может трактоваться как чувствительное восприятие и осознания факта соответствия поведения или состояния определенного субъекта сложившейся ситуации. Проявлениями чистого права на феноменальном уровне могут быть оправдания действий, установление правомерности поступков и другие формы производной институционализации, которые определяются средой проявления чистого права.

Чистое право – это сугубо субъективное явление и проявляется лишь в пределах индивидуальной человеческой психики. Соответственно, его необщественный характер не позволяет классифицировать чистое право как общественный институт, тем не менее именно оно лежит в основе любого института. В этом можно убедиться, анализируя любой институт как трёхэлементную дугу и стараясь увидеть все более и более первичные институты в редуцированных средних звеньях дуг институтов более высоких порядков. И какой бы институт мы не анализировали – институт частной собственности, институт государственной власти, институт семьи или любой другой – все равно на глубочайшем уровне мы увидим право.

Таким образом, право не является институтом, но является фундаментом любого института. То, что чистое право представляет собой “институционный атом”, совсем не означает, что оно однородно и неделимо. Аналогично тому, как в физике простейшие элементы вещества – атомы – являются неоднородными и состоят из нуклонов, электронов и других частиц, которые уже нельзя назвать веществом, так и чистое право, вероятнее всего, является внутренне сложной конструкцией, исследование элементов которой выходит не только за рамки предмета институциональных исследований, но и экономической науки вообще. Однако его внутреннюю сложность в ходе анализа институтов учитывать все-таки приходится, поскольку уже первейший уровень опредмечивания и обобществления (напомним, что чистое право само по себе неопредмечено и индивидуально) дает два стойких разновидности прав – права

включительные и права исключительные.

Включительное право – это право приобщиться к какому-то определенному процессу (как правило, общественному). Например, покупая билет на дискотеку, человек покупает право приобщиться к компании танцующих.

Исключительное право – это право лишать людей доступа к определенному процессу.

Какой смысл деления общественных прав на включительные и исключительные? Не есть ли они жестко и однозначно связанными? Например, взаимодополняющими или взаимоисключающими? По нашему мнению, такой однозначности нет, а есть возможность разнообразно комбинировать наличие и отсутствие включительных и исключительных прав, что в конечном итоге и ведёт к разнообразию институциональных форм в разных обществах. Рассмотрим несколько примеров, предварительно указав, что с точки зрения формальной логики должны существовать четыре комбинации:

1. Есть и включительное, и исключительное право.
2. Есть включительное, но отсутствует исключительное право.
3. Отсутствует включительное, но есть исключительное право.
4. Отсутствует как включительное, так и исключительное право.

Попробуем найти такие ситуации в реальной жизни.

1. Владелец квартиры или дома имеет исключительное право доступа в это здание. Это означает, что он имеет право не допустить любое лицо в свое помещение. Конечно, это право может быть иногда затронутое незаконным вторжением или органами государственной власти, но оно есть. Одновременно он имеет включительное право находиться на этой площади, вести хозяйственную или другую деятельность. Итак, в данном случае есть и включительные и исключительные права.

2. Другое дело – коллективные формы собственности. Скажем, относительно пользы, которую получает пешеход от тротуаров или фонарей, расположенных на улицах города, включительные права членов данной территориальной общины просматриваются довольно хорошо, а вот исключительные права почти не выражены. Вряд ли можно ожидать, что бы где-то кого-то местные жители лишили права ходить по освещенному тротуару лишь за то, что он постоянно проживает за пределами того населенного пункта, в котором сейчас находится. Таким образом, возможна ситуация, когда при-

общиться к потреблению блага можно, но ограничить доступ для других субъектов не удаётся.

3. Иногда встречаются случаи, когда субъект имеет лишь исключительные права, но не имеет включительных. Любая государственная разрешительная система является примером такой комбинации прав. Например, бюро технической инвентаризации не имеет включительных прав относительно объектов недвижимости, которые находятся в собственности частных лиц. Но оно, фактически, дает (или не дает) разрешение на продажу объекта, выдавая (или не выдавая) соответствующие документы, без которых правовое оформление акта купли-продажи, дарения или завещания невозможно.

4. В конце концов, если субъект не имеет ни включительных, ни исключительных прав, то он не имеет никакого отношения к данному объекту собственности. Например, относительно имущества частного предприятия его конкуренты не имеют ни включительных, ни исключительных прав. Собственно, право разрешать или не разрешать кому-нибудь пользоваться этим имуществом принадлежит лишь непосредственному собственнику. В то же время целостность и неделимость имущественных прав малоинтересна с точки зрения производственного процесса. Представим, что кто-то, выкупив завод у государства, полностью запретил кому бы то ни было пользоваться производственными сооружениями, оборудованием и другими средствами труда. Какую выгоду он получит от такой реализации своих прав? Очевидно, что небольшую, если, конечно, он прекращает производство не с целью создания искусственного дефицита и увеличения своих доходов в другом месте или в другое время. А вот непосредственно от этого предприятия выгоду он может получить, если поделится включительными правами с другими субъектами. Скажем, с наёмными работниками или арендаторами.

Как видим, при анализе современного общества проще всего увидеть недоступное непосредственному наблюдению чистое право в его включительными и исключительными проявлениями на примере института собственности, в рамках которого чистое право и приобрело наиболее разнообразно проявленные формы. Однако включительные и исключительные проявления чистого права довольно легко могут быть найдены и в основе любого другого института. Например, институт духовенства, основанный на комбинациях включительных и исключительных прав верующих и

клира обращаться к богу, который, в свою очередь, представляется имеющим исключительное право влияния на судьбу человека.

Подводя итог, можем сформировать перечень признаков, наличие которых позволяет определить некоторую комбинацию деятельности и отношений как институт:

1. Институционализированные отношения и деятельность обязательно предусматривают редукцию осознания среднего звена в дуге “раздражитель – модель ответа – ответ”.

2. Редуцированное среднее звено может состоять из “встроенного” института, среднее звено которого, в свою очередь, также может редуцироваться.

3. В основе любого института лежит чистое право, которое определяется как осознание соответствия определенных действий субъекта сложившейся ситуации.

4. Чистое право субъективно и недоступно восприятию стороннего наблюдателя, однако имеет две формы проявления – включительное право и исключительное право.

Эти четыре признака являются необходимыми и достаточными. Надеемся, что их применение поможет упорядочить предмет институциональных исследований и даст толчок к разработке общей методологии анализа институтов.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Дуглас Норт // пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – М.: Начала. – 1997. – 187 с.
2. Уильямсон О. Экономические институты капитализма / Оливер И. Уильямсон. – Л.: Лениздат, 1996. – 702 с.
3. Глебовская Н.В. Новая экономическая социология: по ту сторону экономического интереса / Н.В. Глебовская // Журнал социологии и социальной антропологии. – № 2, Том V. – 2002. – С. 36-42.
4. Тарасевич В.М. Інституційна еволюція: від інстинктів до протоінститутів / В.М. Тарасевич // Екон. теорія. – 2005. – N 1. – С. 51-67.
5. Тарасевич В.М. Інституційна еволюція: від протоінститутів – до інститутів / В.М. Тарасевич // Екон. теорія. – 2005. – N 2. – С. 64-79.
6. Крылова А.Л. Физиология высшей нервной деятельности / Н.Н. Данилова, А.Л. Крылова // МГУ. – Ростов-На Доне: “Феникс”, 2005. – 478 с. – С. 29-32.

Статья поступила в редакцию 01.07.2009